

Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой

А.И. ЛИПКИН

Процесс трансформации, в который Россия вошла в конце XX в., актуализировал вопросы: «кто мы: нация или цивилизация?», «как соединить и осмыслить досоветскую, советскую и постсоветскую части нашей истории?», «что мы хотим?», «что мы можем?», «на что в нашем прошлом можно и стоит опереться?», «принадлежим ли мы Европе или у нас “особый путь”?», «как соединить и осмыслить досоветскую, советскую и постсоветскую части нашей истории?», «какая модернизация нам нужна и насколько неразрывно она связана с вестернизацией?».

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нам потребуется система понятий, включающая понятия «локальной цивилизации», «субцивилизации», «приказной институциональный принцип» и ряд других. Тогда можно будет понять цикличность российской истории, возможна ли для России альтернатива демократии западного типа («третий путь») и почему в истории России равнопопулярны утверждения, что «Россия – это европейская страна» и «Россия – это не Европа».

Ключевые слова: локальная цивилизация, субцивилизация, культурное ядро, политическое ядро, договорной принцип, приказной принцип, циклы российской истории, бунт, реформы, демократический транзит, народные массы, высокая культура, идеология, Болотная площадь, модернизация, вестернизация

Политические альтернативы: «приказной» и «договорной» институциональные принципы и типы государства

Современное государство, кроме территории и верховной власти, имеет культурные интеграторы в сфере идей, среди которых следует выделить историю государства, предполагающую идею государства, систему базовых смыслов (идеалов, ценностей, принципов и т.д.), которая может быть общей с другими родственными государствами (пример – национальные государства Европы), высокую культуру, связанную с образованием и др.

Я попытаюсь показать, что та базовая форма этих элементов и их сочетаний, с которой мы имеем дело в России сегодня, сложилась в XVIII в., поэтому, хотя есть основания вести историю государства Российского от Рюрика, как это делал Н.М. Карамзин, я ограничусь периодом после Смутного времени начала XVII в.,

главным образом, после Петра I. Полагаю, что этого достаточно для понимания сегодняшнего дня и ряда вариантов будущего развития. Во всяком случае, произошедшие 4 февраля 2012 г. две антагонистически ориентированные массовые демонстрации очень наглядно проявили описываемое ниже¹ системное противоречие, заложенное в структуре российского общества и «российской системы», которое сформировалось в XVIII в. и благополучно перекечало в советскую и постсоветскую реальности.

Для описания этого системного противоречия нам потребуются понятия «приказного» и «договорного» институциональных принципов и типов государства, а также коллективистского и различных типов индивидуализированного общества.

Начну с последних. Введем следующие *формы отношений «индивид – общество»*:

коллективистскую, индивидуально-прагматистскую (эгоцентрическую), индивидуально-идеалистическую, коммунитаристскую [Липкин 1993; Липкин (3) 2012].

Первая форма – *коллективистская* – не- (или де-)индивидуальна, она ориентирована на коллективное видение и действие, определяемое коллективным мифом или идеологией, где индивидуальная жизнь малозначима. Вторая – *эгоцентрическая* – отвечает эгоистическому индивидуализму (часто гедонистическому), в котором индивиды связаны в общество прагматическими интересами, именно эта форма имеется в виду в современных описаниях индивидуалистического общества, которое часто ассоциируют с Западом (что не совсем верно). Третья – *индивидуально-идеалистическая* – отвечает индивиду, ориентирующемуся в своей жизни на *идеалы*, которые направляют его развитие. В отличие от норм, идеалы предполагают «зазор» с реальностью², это поздний продукт культуры (продукт «осевого времени» К. Ясперса), а в отличие от идеологии, предназначены не коллективу, а индивиду³. Четвертая – *коммунитаристская* – отвечает группе *внутри индивидуализированного общества* [Липкин 2011], которая, правда, в случае возникновения ситуации обостренного противостояния довольно легко вырождается в первую. Отличие коллективистских форм общества от индивидуализированных очень важно при рассмотрении Новейшего времени.

Теперь перейдем к центральному различению. Для интересующих нас больших государств⁴ мы выделяем *два типа принципов* – «*приказной*» и «*договорной*».

Суть второго состоит в том, что у всех сторон, между которыми заключается договор, есть свои права. Этот тип отношений специфичен для европейской (западной) цивилизации. В основе этих отношений, в первую очередь, лежат принципы уникальной вассально-сеньориальной системы европейского феодализма, но важными также являются римское наследие, вклад церкви и «свободных» городов.

«Вассалитет, – пишет Р. Пайпс, – показал себя превосходным заместителем государственной власти во время ее упадка, а местами и исчезновения вслед

¹ См. также [Липкин (2) 2007].

² В этом «зазоре» может накапливаться энергия, которая выливается в социальные или культурные изменения (революционного или эволюционного типа).

³ В древнегреческой культуре первым трем фазам отвечают: а) коллективное служение «государственным» (олимпийским) богам и ориентация на традицию; б) ориентация на личное наслаждение независимо от добродетели; в) ориентация на приобщение к миру идей во главе с идеей *блага*, необходимым условием чего является (согласно Платону) следование добродетели [Липкин 1993].

⁴ Больших по сравнению с городом-государством.

за развалом империи Каролингов ... Именно из феодальных институтов выросли некоторые из важнейших политических институтов современного государства. Феодальная *curia regis*, первоначально бывшая собранием королевских вассалов, созванных, чтобы помочь королю советом, которого он, как господин, имел право у них испрашивать, в XIII в. сделалась во Франции центральным органом королевского правительства, пользующимся услугами платных чиновников. В XIII в. Генеральные Штаты во Франции и в Англии превратились из нерегулярных съездов, созываемых в периоды чрезвычайного положения, в парламенты, которые сделали свою былую обязанность своим правом. Точно так же и судебная система Англии и Франции выросла из феодального института, а именно права вассала на публичный суд, творимый не его господином, а третьим лицом. Таким образом, невзирая на все свои противовластные тенденции, феодализм предоставил в распоряжение западных монархов прекрасный набор орудий, при помощи которых они сумели укрепить свою власть и устроить централизованные государства... Властителям Англии, Франции и Испании это удалось, и, начиная с 1300 г., они заложили основания мощных централизованных государств. В этих трех странах феодализм послужил колыбелью, в которой было выпестовано современное государство» [Лайнс 1993, с. 55].

Европейские самоуправляющиеся (в разной степени) *города*, «воздух которых делал свободным» были столь же уникальным и специфическим для Европы образованием, как и тип вассально-сеньориальных отношений у рыцарей. «Наличие городского самоуправления, – говорит Н.А. Хачатурян, – существенно изменило дух средневекового общества. В городе провозглашался принцип политического равенства членов городской общины... Они вырабатывали в сознании общества понятие воли «большинства» вместо привычного и доминирующего представления о «воле господина», сеньора... Наконец, утверждался принцип выборной, коллегиальной власти, в наиболее яркой форме воплотившейся на данном этапе в практике итальянских городов-республик. Не менее существенной особенностью освободительного движения городов явилась правовая оформленность его результатов. Институционное самоопределение городской общности и его правовая завершенность *отличают западноевропейский город от средневековых городов Востока и России*⁵, делая его в ряду некоторых других качеств важнейшим показателем и фактором цивилизационного своеобразия Западной Европы» [Хачатурян 1999, с. 336–340].

Важную роль здесь играло как античное наследие, так и соперничество пап, императоров и королей, которые, чтобы привлечь города на свою сторону, раздавали им различные правовые привилегии.

К этому следует добавить роль церкви в передаче наследия римского права в формировании западной системы новых государств-королевств (монархий). Папская революция, начало которой ознаменовано в 1075 г. Диктатами папы Григория VII, а кульминация – в 1122 г. Вормским конкордатом, ... породила *новое представление о королевской власти в западном христианстве*. ... По словам Джозефа Стрейера, «*григорианское понятие церкви почти требовало изобретения понятия государства*». Само разделение на духовные и светские политические образования вело к господству *территориального представления о королевской власти*» [Берман 1994, с. 378–379].

⁵ На то же обращает внимание и Ле Гофф в своей книге «Рождение Европы», сравнивая европейские города с византийскими, мусульманскими и китайскими.

В результате в позднее средневековье в Западной Европе устанавливается «договорная» (договорно-правовая) структура отношений, изображенная на *схеме 1*.

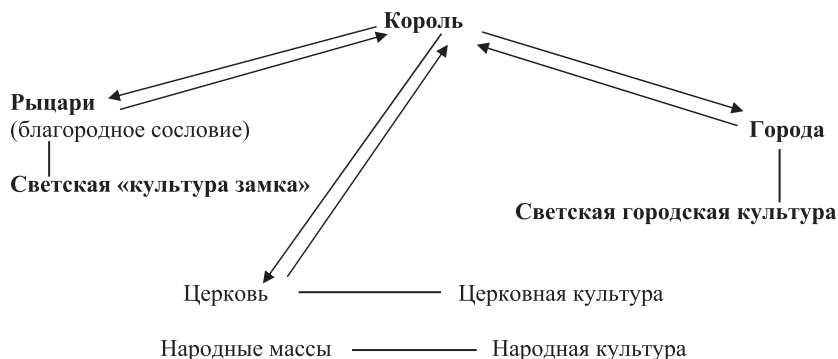

Схема 1. «Договорная» социо-политико-культурная структура государства средневековой Европы (здесь пара противоположно направленных стрелок означает договорно-правовые отношения; линии означают связь между людьми и «идеями»).

В последующем (в XVIII–XIX вв.) в национальных государствах Западной Европы эта схема преобразовалась в структуру, изображенную на *схеме 2*.

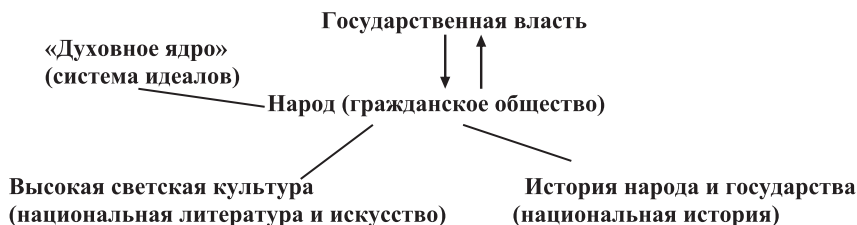

Схема 2. «Договорная» социо-политико-культурная структура современного европейского государства

Вне Западной Европы господствовал «приказной» принцип, изображенный на *схеме 3*. «Приказные» системы выстраивают иерархию отношений на основе приказов («вертикали власти»), здесь у нижестоящих нет прав и нет договора⁶, приказ одностороннен «сверху вниз», поэтому законы здесь закрепляют не права, а компетенции и наказания за невыполнение приказа (как это было в Китае [Малявин 2001]). К таким системам, наряду с Россией, относятся Китай, Иран и многие другие.

⁶ Нет здесь и «вертикального договора» между «правителем» и «народными массами», о котором говорит Н.С. Розов [Розов 2011, с. 172], ибо договор предполагает двусторонность и соответствующие права, чего здесь не предполагается (здесь ситуация ближе к гоббсовской модели).

Для «приказной» системы характерно наличие *двух подсистем*: 1) «базовой», состоящей из «народной массы» и «правителя», и 2) «сопутствующей», состоящей из «правителя» (включая его ближний круг («двор») – среду вызревания дворцовых интриг и переворотов) и находящихся на службе у правителя (прямо или косвенно) «служащих», среди которых, наверное, следует различать составляющее скелет государственной машины *чиновничество*, «офицеров-начальников» (в армии и производственной сфере), сюда же входят и творцы «высокой культуры», которая культивируется в этой подсистеме. Мне представляется важным различие «идеологии», «народной» и «высокой» культур.

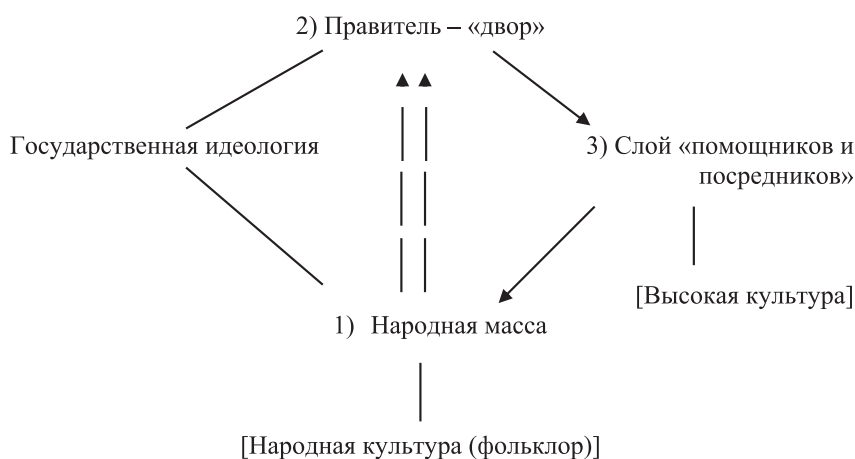

Схема 3. Модель «приказного» типа государства

Здесь одинарная стрелка означает «приказ», приказы идут по иерархизированной вертикали строго «сверху» «вниз»; двойная пунктирная стрелка означает другой тип отношения – отношение поддержки со стороны «народных масс»; линии без стрелок означают связь между людьми и идеями. Кроме того, к «базовой» подсистеме относятся «государственная идеология» и «народная культура», а к «сопутствующей» подсистеме – связанная с образованием «высокая культура».

«Высокая культура» связана с образованием и индивидом, она производится в образованной части общества и для нее, ее гуманитарная составляющая, о которой и пойдет речь, задает типы индивида, его переживаний и отношений с другими людьми и обществом. «Народная» культура ее подпитывает, но не является ее сущностью. В нормальном состоянии общества, принадлежащие «приказной» системе, имеют высокую культуру, но могут быть периоды, когда общество существует без нее (как правило, после рассматриваемого ниже «победного бунта») ⁷.

Идеология задает коллективное видение («интерпретацию мира»), часто включает коллективный миф, обращенный к коллективному бессознательному и чувствам, обеспечивающий «мобилизационные, нормативно-регуляторные, кон-

⁷ Это, по-видимому, было в 1930-х гг. в СССР и Германии. Но со временем она вырастает, что и демонстрирует СССР второй половины XX века.

тролирующие» социальные функции. Этими чертами ее наделяет К. Мангейма [Мангейм 1994], в отличие от которого я бы не стал связывать идеологию только со стоящей у власти группой⁸, у оппозиции тоже часто бывает обладающая теми же качествами идеология, кроме того, нас интересует, в первую очередь, описание стабильных состояний общества. Идеология определяет то, что должно и обеспечивает консолидацию коллектива. С точки зрения противника существующей системы, она служит правящим слоям, но вне перспектив подобной борьбы это типичный коллективный миф, служащий стабилизации общества (или мобилизации на войну с врагом системы, внешним или внутренним). От системы идеалов, с одной стороны, и от высокой культуры, с другой, ее отличает коллективистский характер [Липкин (3) 2008; Липкин (3) 2012].

Такая идеология может быть и религиозной, и светской, может строиться из материала, поставляемого наукой и под нее маскироваться, но от научной картины мира ее отличает то, что она не выводится из реальности, а определяет ее; она может быть государственной или групповой (классовой, конфессиональной т.п.). Такими идеологиями в XX в. были национализмы, фашизмы и левые социализмы (коммунизм и анархизм); против таких идеологий выступает постмодернизм конца XX века. В этих понятиях для России православие в XVII–XVIII вв. и различные вариации формулы «православие-самодержавие-народность» в XIX в. были идеологиями, а русская литература А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого (в отличие от публицистики последних) относятся к «высокой культуре».

Альтернативой идеологии предстают идеалы, которые являются ориентирами в жизни индивида и не содержат принципиальной для идеологии установки на коллективное восприятие и действие. Поэтому (по норме) в современном демократическом обществе место идеологии занимают идеалы (например, либеральные), тем не менее порой либерализм как и мировая религия, которая по своему происхождению и смыслу была предназначена индивиду⁹, может превращаться в идеологию.

Особенностью предлагаемой модели является утверждение, что «приказная» система *формируется не «сверху»* – со стороны «правителя», а «снизу» – со стороны «народных масс», которые, в отличие от «народа-нации», *передают (делегируют) «правителю» право (и ответственность!) за принятие внешних макрорешений¹⁰ и разрешений возникающих внутри споров¹¹*, чем и соз-

⁸ Связь с правящей группой характерна и для множества различных концепций идеологии, представленных в [Семигин 2001].

⁹ Мировая религия здесь употребляется не в смысле распространенности, а, как и у К. Ясперса, в широком смысле, как качественно другая форма религии. Поэтому наряду с христианством, исламом и буддизмом, сюда входят даосизм, философия Платона и ряд др. В [Липкин 1993; Липкин (3) 2012, п. 1.3.3] их возникновение связывается с процессом этической индивидуализации, с тем, что они обеспечили выход из *индивидуально-прагматистского (эгоцентрического) в индивидуально-идеалистическое* состояние, требовавшее ответа на вопрос о смысле жизни *индивида*, в котором бы сочетались концепты счастья, смертности и добродетели-справедливости.

¹⁰ Этим качествам может отвечать и индивидуализированное общество эгоцентричных индивидов, состоящее из индивидов, которые надеются только на себя и свое ближайшее окружение, и при этом уходят от принятия решений и ответственности за решения вопросов, выходящих за этот узкий горизонт (что соответствует портрету российского общества, представленному в [Дубин 2011]). Думаю, что современные Россия, Белоруссия и некоторые другие постсоветские страны сегодня близки обществам такого типа.

¹¹ Здесь уместно вспомнить русскую народную сказку про двух жадных медвежат, делящих головку сыра при посредстве лисы, которая при этом съедает основную часть сыра, и выраженное Н.А. Некрасовым отношение

дается это место, поэтому именно она *служит опорой данной структуры*. И пока она доминирует, структура будет воспроизводиться.

Атрибутивным качеством «народной массы» является *патернализм*¹², именно он (а не правовые ценности) доминирует здесь. В основе «базовой» подсистемы, по сути, лежит принцип отношений *патриархальной семьи: отец – домочадцы*. Здесь нет никакого договора, а у домочадцев нет прав. Вся власть, в том числе и над жизнью, сосредоточена у отца. Последний должен заботиться о благосостоянии семьи (но не отдельного ее члена). Индивидуальная жизнь, не говоря о свободе и правах индивида, здесь имеет малую цену.

Один из важнейших процессов в «базовой подсистеме», носящий циклический характер, определяется происходящими время от времени «победными бунтами» «народных масс», ибо у масс нет других эффективных форм воздействия на «правителя», кроме бунта (форма прошений и жалоб оказывается недостаточно эффективной). Поэтому, когда в массах накапливается недовольство, оно периодически выливается в «бунт», который иногда бывает успешным, т.е. приводящим к смене правящего слоя. При этом ненависть масс направлена, в первую очередь, на «начальство» из «служащих», но может распространиться и на личность «правителя». В случае победы бунт сметает вторую подсистему, но затем *воссоздается та же структура* (но с другими людьми и, возможно, другой высокой культурой). Именно восстановление старой структуры отличает бунт («бессмысленный и беспощадный») от революции, которая подразумевает изменение структуры. То, что в результате бунта и в Китае, и в России (очень интересна в этом отношении «История Пугачевского бунта» А.С. Пушкина), и в других подобных системах эта структура воссоздается, является веским аргументом в пользу нашей гипотезы, утверждающей, что основой данной системы является «народная масса». Именно она *создает место «правителя»* (кто его займет – дело случая и внутривластной борьбы), *а не наоборот*¹⁴. При этом народный бунт надо отличать от «дворцового переворота», связанного с двором правителя и приводящего лишь к смене лица правителя.

По-видимому, формирование «приказной» системы с исторической точки зрения проще, чем формирование «договорной». Такие системы возникают уже в древности. Почвой для них является необходимость мобилизации большого ресурса, например, для поддержания сложной оросительной системы, длинного сухопутного торгового пути или войны с сильными соседями (случай России¹⁵).

Наша гипотеза состоит в том, что именно эти два типа принципов – «приказной» и «договорной» (довольно хорошо соответствующим принципам «общественного договора», соответственно, Гоббса и Локка) – являются системообразующими.

«вот приедет барин, барин нас рассудит».

¹² В России эти патерналистские настроения «народной массы» фиксируются в «пресловутом неизбывном доверии россиян к царю-батюшке» [Розов 2011, с.180].

¹³ Этими же качествами обладает народная масса (например, крестьянская) любых стран, в том числе европейских, что хорошо видно на примере «Жакерии» во Франции. Но в Европе они были оттеснены на периферию и до середины XIX в. не оказывали серьезного влияния на формирование главных государственных институтов.

¹⁴ Массы создают «площадки» для начальников, а не подчиненных, они не определяют, что на этих площадках будет выстроено. В этом смысле правитель и сопутствующая подсистема зависят от массы (без нее не будет этой «площадки»), но, конечно, не подчиняются ей.

¹⁵ В [Нуреев 2001, рис. 2] указано, что в первой половине XVIII в. военные расходы, как правило, превышали 60% государственных расходов, а в течение трех веков не часто составляли меньше 40 процентов.

дающими, а главенство государственной или частной собственности [Пивоваров, Фурсов 2001], «различие X- и Y-типов «институциональных матриц» [Кирдина 2004], «раздаточной» и «рыночной» экономики [Бессонова 2008], принципы «репрессии» и «вознаграждения» [Яковенко 2011], господство в «приказной» системе этакратизма [Шкаратан 2010] и связи «власть-собственность» [Васильев 1982], которая считается основной характеристикой «восточного деспотизма», сословная структура [Кордонский 2008, с. 13] – их следствия¹⁶ (или «союзники» в рамках многослойного подхода, где структуры в социальном, культурном, политическом, экономическом слоях не порождают, а лишь помогают или мешают друг другу)¹⁷. Это широко распространенная вне Запада система. Поэтому правы О.И. Шкаратан и В.В. Радаев, утверждая, что «этакратизм... – это не цепь деформаций и отклонений, а... параллельная ветвь исторического развития современного общества, которая имеет свои собственные законы. Этакратизм широко распространен в современном мире» [Радаев, Шкаратан 1991, с. 50]. Права и О.Э. Бессонова, утверждая то же про «раздаточную экономику»¹⁸. Они могут воспроизводиться в новом обличье, поскольку воспроизводится «приказная» система. Но вопрос состоит в качестве воспроизводимой системы, ее конкурентоспособности и степени ее людоедства.

Альтернативы, определяемые культурой

Итак, выделение двух институциональных принципов позволяет провести различие «восток» – «запад», но внутри последнего и особенно первого имеет место большое культурное разнообразие, накладывающее существенный отпечаток на путь к «современности» и место в этой «современности». Для того чтобы адекватно зафиксировать это разнообразие надо ввести понятия «локальной цивилизации», «субцивилизации» и «нации», которые будем представлять в виде структуры: **«социальная общность – (культурное ядро + политическое ядро)»**.

¹⁶ В логическом, а не историческом смысле. Так, Л.С. Васильев реконструирует древнюю историю формирования отношения власть-собственность. Я даже не пытаюсь это сделать, а рассматриваю уже ставшие поздние формы.

¹⁷ Позиция Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова слишком эконоцентрична и россицентрична (не учитывает, что «приказной» тип свойственен многим незападным системам, а специфическая причина цикличности российской истории иная – та, что представлена в следующих двух пунктах (критический разбор их позиции см. в [Липкин (2) 2007]). Утверждение С. Кирдиной о связи между экономическими политическими, культурными, идеологическими институтами, которую она называет «матрицей» («Система базовых институтов, действующих в сфере экономики, политики и идеологии, образует так называемую институциональную матрицу») – справедливо, и описание X-матрицы достаточно адекватно, а вот описание Y-матрицы уже хуже, ибо под нее, в отличие от нашей классификации, попадает только современный Запад, а Запад XI–XVIII вв. оказывается вне нее, кроме того, как и у Пивоварова–Фурсова здесь есть склонность к эконоцентризму. Хозяйственно-природные факторы являются важным условием, обеспечивают наличие возможностей, но не являются причиной.

¹⁸ Но хотя вводимая О.Э. Бессоновой альтернатива «рынок»–«раздаток», которая, как и перечисленные ее аналоги, ухватывает важные черты проблемы, это утверждение не требует развиваемого в [Бессонова 2008] усложненного языка «цивилизационных матриц», представляющего собой попытку гибридизации несколько модифицированного марксистского формационного подхода и институционального подхода, поскольку основу подхода О.Э. Бессоновой составляет «институциональный архетип», состоящий «из двух типов координации, с одной стороны – рынок, с другой стороны – раздаток» [Бессонова 2008, с. 111], а вывод сводится к этой основе, мало чего к ней добавляя.

Политическое ядро «локальной цивилизации» содержит базовые принципы институтов и отношений (политических и, отчасти, экономических) в обществе. Здесь мы выделяем всего два рассмотренных выше типа: «приказной» и «договорной».

Культурное ядро «локальной цивилизации» содержит центральные *смыслы, идеалы, высшие ценности и принципы* (только часть из которых задается религией¹⁹), связанные со смыслом жизни *индивида*. Культурные ядра более разнообразны, именно они определяют специфику локальных цивилизаций Европы (Запада), Китая, Индии, исламского мира и др.²⁰ При этом между культурным и политическим ядрами нет жесткой связи, это демонстрирует то, что число «локальных цивилизаций» много больше двух. Они задают разные видения мира, вследствие чего межцивилизационное взаимопонимание требует особых усилий, средств и процедур.

Субцивилизационные общности выделяются внутри локальной цивилизации, это общности *с отличающимися, но в основном общими или близкими* (и поэтому понятными) *системами идеалов и смыслов* (например, древнегреческая и древнеримская субцивилизации в античной цивилизации или арабская и ирано-таджикская в исламской цивилизации...) [Липкин 2004]. Это понятие позволяет различения ЕС и США в рамках «Запада» (западной или европейской (в широком смысле) локальной цивилизации). Соответствующее отличие идеалов, культивируемых в ЕС и США, отразилось в возникшем в последнее время обсуждении различия «европейской мечты» и «американской мечты», начатом Джереми Рифкиным в его книге под говорящим названием «Европейская мечта: как европейское видение будущего постепенно затмевает американскую мечту» [Rifkin 2004] (русскоязычное обсуждение этой темы см. [Шиманская 2007]). Я не готов сформулировать «русскую мечту» и соответствующий список качественных отличий субцивилизационного уровня в ее «духовном ядре», но можно привести аргументы в пользу того, что «духовное ядро» России, приобщившейся к европейской культуре, как и США в Новое время, имеет, подобно США, особенности субцивилизационного уровня, причем во многом противоположные американским (они развивают две обозначенные в Европе после революций 1848 г. линии: «идеалистическую» и «прагматическую», выраженных, соответственно, пафосом гуманитарной и научно-технической элит [Realism 1968, p. IX, XIV], что в сфере философии выражается в том, что специфически американской философией является прагматизм, а российской – специфическая форма религиозного экзистенциализма [Smith 1983])²¹.

¹⁹ Поэтому принято А.Тойнби, Хантингтоном и другими отождествление цивилизационной и религиозной специфики неверно. Европейская цивилизационная специфика определяется не столько религией, сколько уникальностью своего «рыцарства» и «бюргерства» [Липкин 2004; Липкин (3) 2012].

²⁰ В этой модели выделяемое О.И. Шкаратаном «разнообразие линий социально-экономического развития народов» [Шкаратан 2010] связано с наличием множества «локальных цивилизаций», определяемых своими «духовными ядрами», а «двум доминирующим макротипам цивилизации – «европейскому» и «азиатскому»» (или «дихотомии "Запад-Восток"») [Васильев 1982]) отвечают два типа «политического ядра», соответственно «договорной» и «приказной».

²¹ Можно, конечно, привести аналогичный вышеприведенному ряд противопоставлений, взятый из опросов студентов: «русским не свойственны такие «западные» добродетели как деловитость, предприимчивость, трудолюбие, расчетливость и т. п. (этими качествами подавляющее большинство опрошенных наделили американцев). Зато русским в опросе приписывались такие качества как отзывчивость, сострадание, терпимость, доброта, дружелюбие, открытость» [Волкогинова 2000]. Думаю, что этот ряд что-то схватывает. Очень интересный материал на эту тему представлен в обширном социологическом исследовании ИС РАН «О чем мечтают россияне (размышления социологов)». Однако основываться на социологическом опросе в таком сложном и глубоком вопросе

Модернизации отвечает смена политического ядра с «восточного» «приказного» на «западное» «договорное», поскольку эти два институциональных принципа определяют не только политические, но и доминирующие экономические институты. *«Модернизации без вестернизации»* отвечает указанная смена политического ядра без полной смены (суб)цивилизационного (т.е. цивилизационного или субцивилизационного) культурного ядра. Это случай Японии и дальневосточных «тигров». Такой вариант возможен, поскольку, как было сказано выше, между культурным и политическим ядрами нет жесткой связи в отличие от связи политического ядра с доминирующими экономическими институтами.

Основу *национального культурного ядра* составляют национальная история и литература (высокая культура), связанные с образованием (в России они появляются во времена Н.М. Карамзина²² и А.С. Пушкина), где задаются национальные типы поведения и индивида, являющиеся дополнительными к тем аспектам, которые задаются в цивилизационном культурном ядре. Поэтому национальные общности образуются внутри (суб)цивилизационных. *Национальное политическое ядро* составляют идея гражданского равенства и реализующей его концепции «общественного договора» локковского типа, предусматривающего институт разделения властей, и основные гражданские права, обязанности и свободы (в России этого не образовалось)²³.

явно недостаточно. Последнее соображение относится и к подходу, опирающемуся на «метод социологических замеров в рамках международного проекта Word Values Survey (<http://www.wordvaluessurvey.com>)» (например, в [Багдасарьян 2010]) или «опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца» в [Лебедева 2008, с. 71]. Более того, если исходить из несоизмеримости «культурных ядер» разных «локальных цивилизаций» и их многокомпонентности [Липкин 2004; Липкин (3) 2012], то применимость самого метода требует дополнительного анализа. Что касается «Русской идеи», то тут, похоже, перемешаны идеология и «мечта», но это тоже требует более глубокого анализа. К «мечте» я бы добавил выделяемый А.И. Клибановым «народный идеал Правды – совершенного состояния рода человеческого, включающего понятия "божьей земли" и святости труда..., понятия братства» [Клибанов 1977, с.11, 44, 28]. Идеал Правды стоит в центре одной из базисных структур российского сознания, которую легко обнаружить в былинах, где Правда-Добро, противостоит Кривде-Злу [Липкин 2004, с. 330].

²² «Первые восемь томов «Истории государства Российского» увидели свет в начале февраля 1818 года... В 25 дней продано 3000 экземпляров. Тираж и скорость продажи для России тех лет небывалые! «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили», – вспоминал позже Пушкин... Федор Толстой по прозвищу Американец, картежник, бретёр, отчаянный храбрец и забияка, одним из первых приобрел книги, заперся в кабинете, «прочел одним духом восемь томов Карамзина и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово Отечество». А ведь это тот самый Толстой-Американец, который уже доказывал свою любовь к Отечеству и патриотизм беспримерными подвигами на поле Бородинском... «Карамзин – наш Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом годе», – писал П.А. Вяземский (<http://www.istoriga.ru/book/karamzin.php>).

²³ Национальное государство является частным случаем «локального» государства, которое в отличие от «регионального» формируется и функционирует как элемент в системе других аналогичных локальных государств (более широкого целого) и предполагает интенсивные взаимодействия друг с другом, принадлежа одному уровню (таковыми были европейские государства Нового времени, принадлежавшие западноевропейской субцивилизации). Российская империя и СССР были, скорее, региональными, чем национальными государствами. Современная ситуация требует особого обсуждения (предварительный вариант которого дан в [Липкин (2) 2008; Липкин (3) 2008]).

Россия. «Длинные циклы» в «базовой» подсистеме

Россия (со времен Московской Руси) как и Китай принадлежит к «приказному» типу государств по организации власти (при этом несущественно, откуда была заимствована эта система – из Орды или Византии, поскольку обе принадлежали «приказному» типу). «В русских городах не возник бюргерский городской патрициат. Этим обстоятельством и княжеским характером города на Руси обусловлено то, что здесь не сложились ни специфическое «городское» право, ни собственно городские вольности. Вольности Новгорода и Пскова были правами не городов, а земель и боярства. По этим же причинам русские города фактически не знали и гильдейско-цеховой организации» [Юрганов 1998, с. 236]. То же можно сказать и о вассально-сеньориальных отношениях: «Русь не знала боярских замков; частоколы боярских усадеб защищали от воровства и разбоя, а не от неприятеля. Бояре обороняли не свои села, а все княжество в целом, съезжаясь в княжеский град» [там же]. Т.е. Россия не имела «договорных» институтов аналогичных западному городскому самоуправлению и вассалитету²⁴.

Поэтому, как и положено для «приказной» системы, в истории России время от времени случаются «победные бунты», промежутки между которыми образуют «длинные циклы» российской истории (Н.С. Розов)²⁵, являющиеся продуктом «базовой» подсистемы.

«Победные бунты» «народных масс», как было сказано выше, сметают правителя и «образованный слой» (особенно «элиту») вместе с «высокой культурой», что часто сопровождается распадом государства, после чего *эти же места* (т.е. структура не меняется)²⁶ *заполняются новым человеческим материалом*, предположительно, с новыми качествами, что может фиксироваться как «революция служилого класса» (Р. Хелли) [Розов 2011, с.142]. На этом новом материале часто (из трех случаев, известных за триста лет существования этой системы – Петр I, Сталин, Ельцин – в двух) происходит «успешная мобилизация» (Н.С. Розов) для осуществления определенных прорывов, правда, весьма высокой ценой (и при Петре I, и при Сталине людские потери были громадными, в 1990-е людей тоже не очень жалели).

В качестве *идеологии* здесь первоначально выступало православие, которое в XIX в. в «сопутствующей» подсистеме модифицировалось в идеологию *народничества* на базе триады «*православие – самодержавие – народность*», отвечавшей «базовой» подсистеме. Различные варианты «народничества» отвечают разным акцентам в этой триаде: *консерваторы*, к которым относился министр образования граф Уваров, которому приписывается авторство этой триады (на самом деле она, по-видимому, является наследницей «державной» военной фор-

²⁴ «Хроническое российское беззаконие, особенно в отношениях между стоящими у власти и их подчиненными, проистекает в немалой степени из отсутствия какой-либо договорной традиции, вроде той, что была заложена в Западной Европе вассалитетом... Отсутствие в России феодальных институтов западноевропейского типа в значительной мере обусловило отклонение политического развития этой страны от столбовой дороги, которой шла Западная Европа» [Paync 1993].

²⁵ Поскольку в [Розов 2011] тоже рассматриваются циклы русской истории, то я буду использовать некоторые его термины, если их можно прямо соотнести с моими.

²⁶ Отметим, что черты, характеризующие Смуту XVII в., которую В.Д. Соловей выделяет как образец «русских революций» [Соловей 2005], характерны для бунта вообще (или в России, или в Китае), крестьянские бунты в Европе (например, «Жакерия» во Франции) во многом похожи, но они никогда не были «победными».

мулы петровских времен «За Бога, Царя и Отечество»), на первое место ставят «самодержавие»; противостоящие консерваторам *революционеры*, к которым относятся большевики, меньшевики и эсеры, на первое место ставят «народность» в виде «простого народа», заменяя православие социалистической идеологией; *славянофилы* на первое место ставят «православие». «Было народничество консервативное и революционное, материалистическое и религиозное, – писал Н.А. Бердяев. – Народниками были славянофилы и Герцен, Достоевский и революционеры 70-х годов. И всегда в основании лежала вера в народ как хранителя правды... Основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни». Поэтому в рамках народничества развивался не столько идеал личности, сколько идеал «народа»²⁷ в виде «идеализации или допетровской России, или Запада, или грядущей революции» [Бердяев 1990, с. 131]. Для всех этих течений характерно представление, что «народ» – это «они» (а не «мы», как во Франции) и все эти варианты народничества, включая, как показал опыт, и революционное, не противоречили «приказному» типу российского государства, содержащемуся во втором члене триады.

Россия. «Короткие циклы» в «сопутствующей» подсистеме

Специфика России среди государств, принадлежащих «приказному» типу, связана с тем, что она раньше других, столкнувшись с быстро развивающейся Европой Нового времени, вступила на путь вынужденной военно-технической модернизации «сверху» и при этом необходимые для этого система высшего образования и связанная с ней «высокая культура» для «сопутствующей» подсистемы были вместе с технологиями импортированы из Западной Европы. В результате в России благодаря Петру I и Екатерине II в качестве «высокой культуры» стал развиваться европейский вариант, «антиприказной» в своей основе культуры. Это привело к противоречию между государственными «приказными» институтами и «высокой культурой», к «кентавровости» России (которой нет в Китае, где конфуцианская «высокая культура» хорошо согласуется с «приказными» институтами). Этот конфликт привел к формированию «коротких» циклов российской истории, происходящих внутри «длинных» циклов, т.е. между катаклизмами «победных бунтов».

«Короткие циклы», как нам представляется, обусловлены процессами внутри «сопутствующей» подсистемы и взаимодействием с Западом. Они состоят из следующих четырех тактов:

«поражение от Запада»²⁸ → либеральные «реформы сверху» под лозунгом «Россия – это Европа», сопровождающиеся вынужденной (для «правителя») либерализацией («либерализацией сверху») → некоторый успех в «догонянии»²⁹ и соот-

²⁷ Большая часть образованного слоя XIX–XX вв. исповедовало различные варианты идеологии «народничества», утверждавшей, «народ» – это «они»: крестьяне, пролетариат, которым должна служить интеллигенция (то, как реальная народная масса относилась к этим народникам, продемонстрировало неудавшееся «хождение в народ» в 1870-х).

²⁸ «Первым шагом, как правило, является осознание технологической отсталости» (В.Б. Пастухов) [Розов 2011, с. 151]. Это было пафосом реформ Петра I, продолжателем дела которого является Екатерина II.

²⁹ Догоняющие системы устроены по-другому, чем догоняемые европейские. Здесь новое не столько рождается, сколько заимствуется, а главным субъектом является государство. При этом что-то заимствуется по существу,

ветствующая победа, сопровождающаяся озабоченностью «правителя» по поводу возросшей в ходе «либерализации сверху» свободой → антилиберальные контрреформы под лозунгом «Россия – это не Европа» («авторитарный откат» (Н.С. Розов)) со стороны «правителя»³⁰ при поддержке «народных масс» и консервативной части «служащих» → подгнивание и отставание («стагнация») и очередное «поражение от Запада»³¹. Эта последовательность повторяется достаточно жестко³². Напомню, что эти циклы идут внутри периодов между «победными бунтами»³³.

Так порожденная екатерино-александровской фазой «либерализации сверху» плеяда блестящих офицеров с особым отношением к чести, прославивших себя и Россию в Отечественной войне 1812 г., была воспитана на европейской литературе. «Вообще, трудно назвать время, когда книга играла бы такую роль, как в конце XVIII – начале XIX века, – пишет Ю.М. Лотман. – Ворвавшись в жизнь ребенка в 1780-х годах, книга стала к началу следующего столетия обязательным спутником детства... прежде всего, романы: ведь дети читали то, что читали женщины. Женская библиотека, женский книжный шкаф формировали круг чтения и вкус ребенка, в который входили рыцарские романы, «Дон-Кихот», «Робинзон Крузо», «Плутарх для детей». «Пережив «первую волну» литературных впечатлений, почувствовав себя средневековым рыцарем, который борется со злодеями, ... ребенок окунается в мир исторической героики. Самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца... У Никиты Муравьева и его сверстников было особое детство – детство, которое создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов. Людей, которые знают, что самое худшее в жизни – это потерять честь. Совершить недостойный поступок – хуже смерти... Люди живут для того, чтобы их имена записали в историю, а не для того, чтобы выпросить у царя лишнюю сотню душ»³⁴ [Лотман 1994, с. 62–64]. Очень важное место в формировании этого нового поколения благородных дворян играли женщины (в лице воспитывавших их матерей и требующих отвечать высоким идеалам подруг), которые были воспитаны на той же литературе еще раньше, «тип русской образованной женщины, особенно в столицах, стал складываться уже в 30-х годах XVIII века» [Лотман 1994, с. 88].

а что-то – лишь по внешнему виду: так, скажем, есть реальные промышленность, технологии, рабочие, инженеры, управленцы, но квази-собственники, квази-рынки и т.д.

³⁰ «Борьба с освободительными стремлениями общества, – по мнению В.И. Вернадского, – характеризует всю деятельность правительства после Петра. Эта борьба была Молохом, которому приносилось в жертву все...» [Вернадский 1998, с. 70].

³¹ По этой логике «догоняния» Запада естественно, что «когда Европа (Запад) быстро и успешно модернизируется, испытывает подъем и расцвет (1850-е, 1900-е, 1950-1960-е, 1980-1990-е гг.), в России ... проводятся попытки либеральных реформ», ибо «верховная власть и бюрократия тяжело переживают отставание, особенно в военно-технологической и экономической сферах», а «когда Запад погружен в политические и военные кризисы и/или испытывает серьезный экономический спад (1830–1840-е гг., 1870–1880-е гг., 1914–1920 гг., 1929–1949 гг., 1968–1985 гг.), российское государство укрепляется в своем авторитаризме» [Розов 2011, с. 297], ибо можно пердохнуть от необходимости догонять.

³² Обратное утверждение Н.С. Розова [Розов 2011, с. 152] связано с неразличением двух подсистем и неучетом вложенности (а не наложенности) двух типов циклов (подробнее см. [Липкин (1) 2012]).

³³ Колебания «реформы–контрреформы» внутри авторитарного коридора «приказной» системы не надо ассоциировать с «социокультурной инверсией» А.С. Ахиезера [Ахиезер 1997], которая, как нам представляется, есть характерная черта бунта народной массы типа крестьянства (неважно – российского, китайского или французского).

³⁴ Возможно, самой большой потерей для России при переходе в советское время стала потеря этого высокого чувства чести и ответственности, которого сейчас еще меньше, чем в советское время.

Вполне закономерным результатом роста этого вскормленного европейской литературой героического и свободолюбивого «римского» духа стали рождение великой русской литературы и восстание декабристов, за разгромом которого последовали реакционные реформы Николая I, загнивание системы и поражение в Крымской войне (конец цикла). Следствием этого поражения стали многообещающие реформы Александра II. Но параллельно с ними росли революционные левые настроения в студенчестве³⁵, породившие первых террористов, жертвой которых и стал «царь-реформатор»³⁶. Далее следуют контрреформы Александра III и поражение в русско-японской войне 1905 г. (конец следующего цикла). Затем начинается еще один цикл в виде непоследовательных реформ Николая II.

Эти циклы хорошо прослеживаются в колебаниях уставов университетов, которые (наряду с другими ВУЗами) были реальными центрами свободной оппозиционной мысли в XIX – начале XX века³⁷. «В 1804 г. по традиции XVIII в. государство выступает как носитель идей просвещения, – пишет историк науки А.М. Корзухина, – но развитие университетов привело к росту оппозиции, и во времена Николая I к университетам относятся как к источнику опасности для трона и по возможности ограничивают их права и самостоятельность». «Устав 1804 г. в целом был довольно либеральным... В конце 1840-х, на фоне революций в Европе, университеты стали рассматриваться как главный источник вольнодумства в стране». Поэтому в 1847 г. Устав 1804 г. отменяется и вводится дополнительные ограничения, которые «были отменены в первые же годы правления Александра II, и... в 1863 г., был принят новый университетский устав. Устав в основном восстановил правила 1804 г. ... Либеральные установления опять оказались временными... Устав 1884 г. снова отменил выборность профессорского состава и администрации университета, заменив ее на право выдвижения кандидатов для выбора и назначения министром... Опять, как и в 1835 г., была введена должность инспектора для надзора за студентами, а окончание гимназии и знание древних языков стало обязательным условием для поступления (это условие ограничивало приток в университеты молодежи из небогатых семей – А.Л.). Эти ограничения вновь были отменены Высочайшим указом 1905 г.» [Корзухина 2006, с. 164–166]. На этом период между «победными бунтами» начала XVII – начала XX вв. кончается и надо переходить к следующему периоду – между «1917» и «1991».

Советский период

«Октябрь 1917» и советский период имели разный смысл в мировой и отечественной истории. В мировой истории «Октябрь 1917» – это Великая Октябрьская социалистическая революция, ставшая примером для многих народов и важным фактором в развитии мировой истории XX в. Соответственно, СССР стал носителем

³⁵ В студенчестве, как и в университетской, и научной среде в целом, довольно широко представлен коммунизм, который легко вырождается в коллективизм.

³⁶ Во второй половине XIX в. в Европе появляется социалистическое движение, которое захватывает и Россию. В результате в России наряду с либеральной (правой) оппозицией авторитаризму возникает и левая оппозиция.

³⁷ «Именно среди этих лиц, – говорит В.И. Вернадский об ученых и преподавателях, но это же относится и к студентам, – ... духовно свободных, должны были находить место освободительные стремления русского общества» [Вернадский 1998, с. 70–72].

образца альтернативного Западу успешного развития, главным героем победы над фашизмом, второй великой державой, определившей двухполюсность послевоенного мира.

Но нас будет интересовать место и смысл советского периода во внутренней истории России, а здесь «Октябрь 1917» – это «октябрьский переворот» (каковым он числился до «великого перелома» 1929 г.), обозначающий очередной «победный бунт», аналог Смутного времени. И в этом смысле сопоставление Сталина и Петра I вполне уместно: это «правители» периода восстановления «приказной» системы после «победного бунта», которые обеспечили рывок «успешной модернизации», но такой ценой, что «расплата по векселям» была на грани выживания (во втором случае, возможно, за гранью). Позитивный вклад советского периода в историю России – *урбанизация, индустриализация и частичная постиндустриализация* страны (создание развитой науки и некоторых высоких технологий, главным образом, в военной промышленности, правда, очень большой ценой).

«Короткие циклы» начинаются в послевоенный период. Атомный и ракетный проекты создали относительно свободомыслящий слой научно-технической интеллигенции, породившей «оттепель» конца 1950-х – 1960-х гг.³⁸, за которой последовали контрреформы Брежнева, приведшие к «застоя» и наметившемуся проигрыванию в «холодной войне», поэтому их сменили новые попытки реформ (Андропов и Горбачев), но было уже поздно, и всех смел очередной бунт (признаком того, что это был бунт – доминирование массовых протестных (антиКПССных) настроений и последующий за этим развал во многих сферах).

Реформы 1990-х привели, по сути, к уничтожению указанного советского свободомыслящего слоя научно-технической интеллигенции. Но «Болотная площадь», заявившая о себе 10 декабря 2011 г., показывает, что новый постсоветский свободомыслящий европейски и демократически ориентированный образованный слой «сопутствующей» подсистемы снова вырос на новой почве. И если в конце XVIII – начале XIX вв. его основу составляли молодые офицеры-дворяне, в середине XIX – начале XX вв. – студенты и преподаватели университетов и ВУЗов, во второй половине XX в. – сотрудники НИИ, то теперь этот слой имеет новую постиндустриальную основу. В свою очередь, произошедшие 4 февраля 2012 г. две антагонистически ориентированные массовые демонстрации очень наглядно проявили изображенную на *схеме 3* структуру: «Болотная площадь» и «Поклонная гора» четко ассоциируются с «сопутствующей» и «базовой» подсистемами.

³⁸ Очень важную роль в развитии внутривнутриполитических и культурных процессов в СССР в постсталинское время сыграли включенные в эти проекты ученые. Именно они, а также их собратья – представители других точных наук и инженеры (к которым примыкала значительная часть учителей и врачей) – «зачитывались поэтами новой волны, пели под гитару песни Окуджавы, Визбора, Галича, позже – Высоцкого» [Визгин 2002, с. 472, 424]. Они составляли *читательскую аудиторию* миллионных тиражей толстых журналов и серьезных книг, заполняли театры, выставки и концертные залы, внимали лекциям передовых ученых-гуманитариев, т.е. были одними из основных потребителей «высокой культуры» в виде серьезной литературы («самая читающая публика мира»), искусства, кино, театра, гуманитарной мысли – самая жадная на серьезные лекции аудитория в мире (подробнее см. [Липкин (4) 2012]).

Современная ситуация и возможные сценарии развития

Сценарий отстранения старой «приказной» системы

С «Октября 1993» (аналог «Октября 1917») начинается восстановление «приказной» системы, на что, как и в предыдущем случае, ушло порядка 10 лет. Период Медведева, по-видимому, можно рассматривать как жест (поскольку самих реформ, по сути, не произошло) в сторону реформ, за которыми следует ожидать очередные контрреформы, сопровождающиеся «завинчиванием гаек», «укреплением вертикали», что будет способствовать запуску «контуров деградации» [Розов 2011, гл. 13] и иным негативным процессам. Но здесь встает вопрос о запасе прочности системы. К сожалению, похоже (об этом говорит все более массовое негативное отношение к «Единой России», напоминающее отношение к КПСС при позднем Брежневле), что система очень быстро загнивает и приближается к точке «победного бунта» (который, по-видимому, происходит сейчас в арабском мире)³⁹. Главная опасность здесь состоит в том, что «правитель» не замечает этой опасности (это типично для «приказных» систем), полагая, что все беды в выходящем из повиновения «образованном слое» или «руке Запада».

Существенное отличие нового постсоветского периода – отсутствие идеологии (схема 3). Как было сказано выше, в Московском царстве эту функцию выполняло православие, функционировавшее здесь не как мировая (т.е. апеллирующая к душе индивида), а как государственная религия-идеология; в XIX в. по мере усиления светскости культуры и государства в образованном слое эта функция переходит к народничеству; в советский период эту функцию выполняла коммунистическая (марксистско-ленинская) идеология; а в 1990-х гг. она была отброшена и ничем не заменена. Отсюда заигрывание власти с православной церковью⁴⁰, т.е. попытки вернуться в «светлый» период Московского царства (приблизительно в XVI–XVII вв.), но наличие других религий, в первую очередь, мусульманской, достаточно укорененная светская традиция, записанная в Конституции, а также «несовременность» клерикального государства пока останавливают этот тренд. В принципе, сегодня мы имеем тот же набор идеологий, что и на границе XIX–XX вв.: европейско-демократическая (либеральная, предполагающая личную свободу и ответственность), социалистическая (в трех формах: коммунистической, националистической, национал-социалистической), православная, народническая. Отметим, что все, кроме первой, согласуются с патерналистским восприятием «правителя» и «приказной» системой.

Соответственно, этому идеологическому плюрализму, поклонникам разных идеологий XX век и последние 20 лет истории России (т.е. советский и постсоветский периоды) видятся по-разному, неодинаково представляются и направления дальнейшего движения и его цели. Это создает большие трудности в формировании

³⁹ От рабочих Нижнего Тагила, конечно, можно ожидать поддержку «правителя», но при такой поддержке со стороны представителей индустриального сектора, во-первых, нельзя рассчитывать на успех постиндустриального инновационного типа развития, а, во-вторых, этот слой может очень быстро сменить настроение и перейти на сторону бунта.

⁴⁰ Весьма показательна в этом плане также тенденция перехода в воинствующие православные советских общественов – бывших воинственных ленинцев-атеистов.

концепции современной истории государства (до «Октября 1917» – это была «История государства Российского» Н.М. Карамзина, после – советская история, где центральным событием был «Октябрь 1917»). По-разному звучат и ответы на вопрос «что делать?» и «кто виноват?»).

Нужна ли идеология вообще зависит от выбора предстоящего пути, ибо сама целесообразность универсальной идеологии во второй половине XX в. была поставлена под вопрос. Как показывает исторический опыт, в первую очередь, европейский, идеологическое противостояние имеет два решения. Первое состоит в гражданской войне на уничтожение – то, что переживала Европа во время религиозных войн XVI в., а мы в начале XX века. К сожалению, форма «дебатов» и в обществе, и в СМИ настроены именно на это.

Второй вариант – вынести идеологию (подобно религии в Новое время в Европе) в частную сферу и объединиться на другой основе. Европейцы сделали это на основе правового национального государства, выработав демократические инструменты (институты), позволяющие мирно совместно жить людям с принципиально разными взглядами, которые, тем не менее, могут объединяться по более частным, но жизненно важным вопросам.

Итак, главная *развилка* в выборе пути современной России – сделать ставку на государственную *моноидеологию* путем уничтожения противника в гражданской войне (это позиция «большевиков» всех цветов) или на *плюрализм*, т.е. принять наличие (а может и полезность) инакомыслия. В принципе, плюралистичность общества – характерная черта постновейшего времени (постмодерна).

Сценарий смены базовой институциональной структуры – «демократического транзита»

Альтернатива указанному выше пути – «истинная демократизация»⁴¹ («демократический транзит»), которая в отличие от либеральных реформ «сверху» в рамках «короткого цикла», состоит в изменении всей системы, ее структуры и ее основы, которой должен стать «народ», а не «народная масса», т.е. структурный переход от *схемы 3* к *схеме 2*, к правовому государству с правовым сознанием, независимым судом, перед которым все равны, уважением прав и свобод человека (кстати, этот процесс довольно успешно шел в пореформенной России в XIX в.). Все эти качества входят в набор качеств «современного» государства [Genet 2003, Хабермас 2002], которых России, Китаю и многим другим государствам пока не достает. Все развитые государства как западные, так и дальневосточные

⁴¹ Внутри этого варианта есть два подварианта: строительство нации и национального государства или субцивилизационной общности (и государства). Многие цари дистанцировались от первого ради второго [Уортман 2005]. И такая политика имела под собой веские основания, ибо логика формирования наций внутри России вела к ее распаду, что и продемонстрировали 1917 и 1991 годов. Сегодня постсоветская Россия (РФ), как и досоветская, стоит перед той же альтернативой: или пойти по пути достраивания русской нации через национализм, что грозит запуском аналогичных процессов в других частях, в первую очередь, в Татарстане и на Северном Кавказе и развалу РФ аналогичному развалу СССР, или воспользоваться новыми возможностями, открывшимися сегодня в связи с новой фазой процесса глобализации и строить современную субцивилизационную российскую общность, или (весьма обсуждаемый сегодня сценарий) в очередной раз строить раннюю «державную» общность на основе православия (или коммунизма), отвечающую более древним (досовременным) и простым формам государства.

сегодня принадлежат «договорному» типу, сохраняя при этом различные культурные цивилизационные особенности. Т.е. *модернизация без вестернизации* подразумевает сохранение культурного («духовного») ядра, а в плане институтов (политического ядра) все сегодня принадлежит Западу, а не Востоку. Поэтому для России является актуальным вопрос: когда и как возможна «истинная либерализация», «демократический транзит» (без которого нельзя выйти из «контуров деградации» [Розов 2011, гл. 13])?

Если всмотреться в происходящие со второй половины XX в. процессы перехода неевропейских стран к «договорно-правовым» демократическим системам правления, с одной стороны, и историю становления этой системы на Западе, с другой, то можно увидеть следующую картину. В Западной Европе договорно-правовые институты, как было указано выше, вырастают уже в XII–XVI вв. из *договорных* и правовых по своей сути 1) вассально-сеньориальной системы, 2) городского самоуправления и 3) римского права. Этих источников не было в других частях ойкумены, и там (как и в России) в больших государствах господствовал «приказной» принцип. Когда Запад стал явным лидером и доказал превосходство своей системы, некоторые страны стали пытаться ему подражать, кое-кому это, в той или иной степени, удалось. То есть демократические институты – очень нежное и сложное растение, они изнутри (автохтонно) выросли только на Западе и потом стали распространяться в остальной части мира сначала как рожденная в Западной Европе *идея*, которая завоевывает умы (и души) людей в других странах, т.е. как наведенный извне, а не автохтонный процесс⁴².

Явление «Болотной площади» принадлежит этому процессу, это движение активной части образованного слоя «сопутствующей подсистемы», воспринявшей идеи демократии. Такое видение ситуации требует дополнительного комментария. В феномене «Болотная площадь» надо *различать «сцену» и «публику»*. На «сцене» пока доминируют политики старой формации, их настроения агрессивны, а взгляды несовместимы, более того, часть из них выступает не столько против «приказной» системы, сколько против данного ее воплощения, т.е. они являются представителями бунта, а не революции (которая может происходить тихо («эволюционно»), поскольку суть революции в изменении структуры, а не в темпе). Их пока объединяет, в первую очередь, воинственный протест. Но «публика» 10 декабря 2011 г. *собралась не ради «сцены»* и не благодаря ей, и ее настроения не являлись воинственными. «Публика» тоже плюралистична, но в этой пестроте видений можно выделить объединяющие ее лозунги-цели «честные выборы» и «честный суд»⁴³. Когда я говорю о феномене «Болотная площадь», то я имею в виду «публику», точнее, доминирующую в ней часть (ибо среди нее были, конечно, и поклонники «сцены»), которая определяет ее лицо и перспективы.

⁴² То есть, вроде бы, демократия вне Европы появляется не «автохтонно», не так, как описано в «интеллектуальной традиции Й. Шумпетера, Д. Растоу, А. Пшевронского, Р. Коллинза и др.» (которой следует Н.С. Розов), где демократические институты связываются с наличием нескольких относительно равных по силе социальных субъектов («акторов»), которые в силу равенства сил вынуждены «вступать в переговоры». В результате чего «демократия появляется в качестве непреднамеренного, побочного следствия особого типа политической конфликтной динамики, когда ни один из центров силы не способен подавить и подчинить остальные, а созданная по необходимости коалиция в сложившихся условиях переживает несколько этапов эволюции ко все более открытой, публичной, конкурентной и основанной на формальных правилах политике» [Розов 2011, с. 369].

⁴³ На языке синергетики это «параметры порядка» – то, что структурирует исходно хаотическую обладающую практически бесконечными степенями свободы среду [Хакен 2003].

В истории России к попыткам выйти за границы либеральных реформ «сверху» можно отнести Февральскую революцию 1917 г. и, по-видимому, восстание декабристов в 1825 г. и август 1991 г. Но почему они оказались неудавшимися? На мой взгляд, это связано с принципиальной слабостью в «приказной» системе «сопутствующей» подсистемы по сравнению с «базовой»⁴⁴. Поэтому прийти к власти реформаторы-либералы могли только на плечах «бунта» (который в царской России назревал задолго до 1917 г., а в СССР – задолго до 1991 г.), но по этой же причине им эту власть удержать не удастся. В итоге к власти приходят большевики (неважно какого цвета), которые считают, что цель ясна и оправдывает средства, и «кто не с нами, тот против нас» и против «правого (т.е. правильного) дела» и поэтому может быть уничтожен. В результате восстанавливается «приказная» система (из которой либералы быстро вымываются).

Представителей «Болотной площади» не без основания сопоставляют с российской интеллигенцией начала XX в., бывшей движущей силой Февральской революции 1917 года. Последнюю обычно рассматривают как открытие шлюза («спусковой крючок») для «Октября 1917», но взгляд на эти процессы сквозь призму *схемы 3* приводит к другому прочтению. Не надо преувеличивать роль «Февраля» в «Октябре», которые отвечают процессам в «сопутствующей» и «базовой» подсистемах. Ведущим в этой паре являлся «Октябрь 1917» как бунт, который «правитель» уже вряд ли мог сдержать, т.е. причинная связь обратная – «Февраль» лишь следствие или попутчик «Октября» [Липкин (1) (2007)], хотя в случае неустойчивости (не факт, что она имела место в 1917 г., и что назревавший бунт можно было сдержать), эффект «спускового крючка» возможен.

Из вышесказанного следует, что в проекте «демократического транзита» надо особое внимание уделить патерналистски настроенному большинству, составляющему основу «базовой» подсистемы. Поэтому либеральные программы и лозунги 1990-х здесь не пройдут, перспективу может иметь только программа социального государства (т.е. система скандинавского, а не американского типа). Но это предполагает переход большей части народной массы от патерналистского к демократическому (социал-демократическому) пониманию социальной справедливости. Как это сделать, пока непонятно. На Западе социал-демократическая идея социальной справедливости возникает как альтернатива либеральной, а не патерналистской ее трактовке. Это же демонстрирует и постсоветская Россия, где социал-демократические партии (речь идет о попытках их создания) еще слабее либеральных. То же мы видим и в послевоенной Японии (есть, правда, более сложный опыт Южной Кореи). Другая возможность – преобразование коммунистической партии в социал-демократическую – выглядит очень туманной (возможно, что такой шанс был у М.С. Горбачева в 1989–1990 гг. (проект Демократической платформы в КПСС), но он побоялся им воспользоваться).

Итак, демократически настроенная часть общества, во-первых, составляет меньшинство, во-вторых, идеологически плюралистична и посему вряд ли может объединиться в одну партию. Но может быть идеологии и партии сегодня это не последнее слово? Насколько я понимаю, на Западе фиксируют падение роли политических партий и рост аполитичности населения, сопровождающийся ростом других коллективных активностей. Может быть, это закономерные следствия

⁴⁴ Последняя в случае декабристов была представлена опиравшимся на «народные массы» «правителем», а в «1917-м» и «1991-м» (кавычки подчеркивают длительность процесса) – взбунтовавшимися «народными массами».

роста многообразия, результатом которого становится переход к бессубъектной (в старой партийной логике) *активной среде*. Но тогда возможно изменение такой среды за счет объединения в движения по конкретным пунктам-проблемам (и программам их решения), являющимися «параметрами порядка» для переструктурирования системы (я здесь использую некоторые понятия-образы синергетики). Одним из примеров таких пунктов является установление «власти закона» (а не лица) и принципа равенства всех перед законом. Концентрация на позитивных лозунгах «честных судов» и «честных выборов» (а не негативном «России без Путина») ⁴⁵, к которым может присоединиться и существенная часть «публики» «Поклонной горы», направлена на кардинальное *изменение среды*, что важнее смены «правителя». Если политическая модель общества и его взаимодействия с властью сильно меняется, то «Болотная» как «публика», возможно, находится в русле этого изменения. Многое решит то, удержится ли «публика» от ставки на протест и конфронтацию, к чему ее пытается склонить часть «сцены», останется ли она мирной и позитивно-требовательной, каковой она проявила себя при своем появлении на «Болотной площади» 10.12.2011. В любом случае по указанным причинам «демократическая революция» в такой системе может происходить только плавно (эволюционно). Главной ошибкой для «Болотной площади» может стать недооценка значения патерналистски настроенных «народных масс», а ведь дело в них, а не в том, кто занимает место «правителя». *Мирная «Болотная площадь»* со стороны «публики», возможно, является движением в нужном направлении.

И, наконец, еще один аспект современной ситуации. Наше общество, судя по данным социологических опросов [Розов 2011, с. 415], показывающих, что у большинства российского населения сегодня преобладают патерналистские настроения, европейскими идеями демократии заразилось еще не так сильно, как хотелось бы демократам. Однако существует важный динамический процесс в мире идей, который социологические опросы, измеряющие состояние общества в данный момент времени, ухватить не могут, но на него указывает история. Если обратиться к истории древних цивилизаций, то там можно увидеть процесс «этической индивидуализации», проходящий указанные выше три фазы: коллективистскую, индивидуально-прагматическую (эгоистическую) и индивидуально-идеалистическую. При этом, во-первых, общество, где абсолютно доминирует второй тип, неустойчиво и либо сваливается в первую фазу, либо прорывается в третью, а, во-вторых, последнее происходит после того, как возникает *массовая усталость от безнравственности* (аморальности), воцаряющейся во второй фазе, что проявляется в призывах к возвращению к «нравам предков» [Липкин 1993]. Россия уже в 1980-х, но особенно в 1990-х погрузилась во вторую фазу [Липкин (1) 2008]. В 2000-х все сильнее слышны призывы вернуться в «добрые прежние времена» (коммунистические или православные). Глубину нравственного кризиса и степень его осознания фиксируют и социологические опросы. Именно эта глубина кризиса дает шанс на выход в третью фазу, (хотя проще свалиться в первую, например, в национализм), и явление «Болотной площади», думаю, возникает в рамках этой логики, оно направлено к третьей фазе.

⁴⁵ Наверное для создания нужной среды требуется и изменение Конституции в сторону сбалансированности разделения властей, в сторону проекта Конституции, которая делалась в ВС РФ в 1992-1993 гг. Но это уже вряд ли можно решить в рамках рассматриваемого движения, это более сложный вопрос, для решения которого требуется подключение Думы.

Итак, у России, полагаю, еще есть шанс прорваться в круг современных, т.е. демократических светских государств, но этот шанс надо суметь реализовать. И явление «публики» на «Болотной площади», понимаемой как росток индивидуально-идеалистической и активной свободомыслящей компоненты российского общества (а не чисто протестного движения – предвестника бунта), вселяет надежду на то, что еще не все потеряно. Альтернатива – остаться в логике «длинных» и «коротких» циклов и деградировать, войдя в число периферийных маргинальных государств, или вообще исчезнуть. Что касается «третьего пути», т.е. развития в рамках «приказной» системы, то его возможность неясна даже для Китая, где нет противоречия между «высокой культурой» и «приказной» системой институтов. Повторю, сказанное выше: все развитые государства как западные, так и дальневосточные сегодня принадлежат «договорному» типу. Что касается (суб)цивилизационного культурного ядра, то они при этом остались разными, в этом смысле переход к современному «договорному типу» институтов не то же, что «вестернизация».

Литература

- Ахиезер А.С.* (1997) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Багдасарьян В.Э.* (2010) Высшие ценности Российского государства / Высшие ценности России. М.
- Бердяев Н.А.* (1990) Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука.
- Берман Г.Дж.* (1994) Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство МГУ.
- Бессонова О.Э.* (2008) Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // Социологические исследования. № 1.
- Бродель Ф.* (2008) Грамматика цивилизаций М.: Весь Мир.
- Васильев Л.С.* (1982) Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур / Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука.
- Вернадский В.И.* (1998) Труды по истории науки в России. М.: Наука.
- Визгин В.П.* (2002) Феномен «культы атома» в СССР (1950–1960-е гг.) / История атомного проекта. Документы, воспоминания и исследования. Вып. 2. СПб.: РХГИ.
- Волкогорова О.Д.* (2000) Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России. № 2.
- Дубин Б.В.* (2011) Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН.
- Кирдина С.* (2004) Собственность в X-матрице // Отечественные записки. № 6.
- Клибанов А.И.* (1977) Народная социальная утопия в России. М.: Наука.
- Кордонский С.Г.* (2008) Сословная структура постсоветской России. Ч. 1 // Мир России № 3.
- Корзухина А.М.* (2006) От просвещения к науке: Физика в Московском и Санкт-Петербургском университетах во второй половине XIX в. – начале XX в. Дубна: Феникс+.
- Кун Т.* (2004) Структура научных революций. М.: АСТ.
- Лебедева Н.М.* (2008) Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 2.
- Липкин А.И.* (1993) Духовный кризис и национальное возрождение (Попытка культурно-исторического анализа). Философский очерк» (Нижн. Новг.) // http://philosophy.mipt.ru/publications/works/lipkin/civilization/crisis_renaissance/

- Липкин А.И.* (1) (2007) Прав ли Р. Пайпс? // Альманах «Вызовы XXI века». Вып. 3. М.: Институт Европы и Институт экономики РАН // <http://philosophy.mipt.ru/publications/works/lipkin/civilization/paips.html>
- Липкин А.И.* (2) (2007) Российская самодержавная система правления // Полис. № 3 // <http://politstudies.ru/fulltext/2007/3/4.htm>
- Липкин А.И.* (1) (2008) О месте шестидесятников и «оттепели» в истории России // http://philosophy.mipt.ru/publications/works/lipkin/civilization/a_3zjv3o.html
- Липкин А.И.* (2) (2008) Россия и Европа. Проблемы цивилизационной и национальной идентичности / Россия и Европа: вопросы идентичности. М.: Институт Европы РАН.
- Липкин А.И.* (3) (2008) К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России // Полис. № 6.
- Липкин А.И.* (2011) К эволюции мультикультурных обществ. Межцивилизационные аспекты в условиях глобализации / От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М.
- Липкин А.И.* (1) (2012) О «колее» российской истории и возможности «перевала». Анализируя концепцию Н.С. Розова // http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/13107-okolee-rossiyskoj-istorii-i-vozmozhnosti-perevala-analiziruya-konceptiyu-ns-rozova.html
- Липкин А.И.* (2) (2012) О двух подсистемах российского общества и двойной структуре российской истории. // Пути России. Историзация социального опыта. М.: Издательство НЛО, (в печати).
- Липкин А.И.* (3) (2012) «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ // http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf
- Липкин А.И.* (4) (2012) Социокультурные и политические факторы в развитии российского естествознания (XVIII–XX вв.). М.: МФТИ.
- Лотман Ю.М.* (1994) Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: **Искусство-СПБ.**
- Мангейм К.* (1994) Идеология и утопия: Диагноз нашего времени. М.: Юристъ.
- Нуреев Р.М.* (2001) Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. № 3.
- Пайпс Р.* (1993) Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* (2001) «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. № 4.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* (1991) Власть и собственность // Социологические исследования. № 1.
- Розов Н.С.* (2011) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.
- Семигин Г. Ю.* (2001) Идеология / Новая философская энциклопедия. Под редакцией В.С. Степина. В 4 тт. М.: Мысль.
- Соловей В.Д.* (2005) Русская история: новое прочтение. М.
- Трубецкой Н.* (1992) Евразийство. Опыт систематического изложения / Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.
- Хабермас Ю.* (2002) Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Нации и национализм. М.
- Хакен Г.* (2003) Тайны природы. Синергетика – наука о взаимодействии. М.: Ижевск.
- Хачатурян Н.А.* (1999) Политическая организация средневекового города // Город средневековой цивилизации Западной Европы. М.
- Шиманская Э.С.* (2007) К новой модели? О концепции Дж. Рифкина // Прогнозы и стратегии. № 1.
- Шкаратан О.И.* (2010) Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. № 3.

-
- Уортман Р.* (2005) Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1, 2. М.: АСТ.
- Цивилизации в глобализующемся мире: предварительные итоги междисциплинарного проекта: по материалам Научной конференции (2009). Отв. ред. В.Г. Хорос. М.
- Юрганов А.Л.* (1998) Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС.
- Genet J.-Ph.* (2003) La genese de l'Etat modern. Culture et societe politique en Angleterre. Paris.
- Realism, naturalism and simbolism: Modes of thought and expression in Europe, 1848–1914 (1968). Ed. by R.N . Stromberg. N.Y.: Harper and Row.
- Rifkin J.* (2004) The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. N.Y.
- Smith John E.* (1983) The Spirit of American Philosophy. N.Y.